

УДК 1:316

ББК 60.01

DOI 10.22394/1682-2358-2018-4-95-102

Е.И. Репина, postgraduate student of the Department of Public Relations and Advertising, Ulyanovsk State University

SOCIAL RATIONALITY AS A SOCIOLOGICAL CATEGORY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

The article presents theoretical and methodological analysis of the concept of social rationality. The main approaches to the rationality as an aspect of socio-cultural reality are described. Some implications of the term used in sociological and philosophical literature are revealed. The issue of the relevance of the study of rationality as a modern cultural value is touched upon.

Key words and word-combinations: social rationality, rationality of consciousness and behavior, rationalization.

Е.И. Репина, аспирант кафедры связей с общественностью и рекламы Ульяновского государственного университета (email: janeropotareva@bk.ru)

СОЦИАЛЬНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Проведен теоретико-методологический анализ понятия «социальная рациональность». Описаны основные подходы к представлению рациональности как аспекта социокультурной реальности. Выявлены косвенные импликации данного термина, используемые в социологической и философской литературе. Затронут вопрос актуальности изучения рациональности в качестве современной культурной ценности.

Ключевые слова и словосочетания: социальная рациональность, рациональность сознания и поведения, рационализация.

Рациональность — многоаспектный, многофункциональный феномен, исследование которого приобретает особую значимость в связи с глобальными процессами. В современном мироустройстве развитие социума, его усложнение связывается с рационализацией общественной жизни, выступающей одним из факторов социокультурных изменений. Утверждение рациональности

как ценности современной культуры — результат социальной модернизации, сопровождающейся урбанизацией, бюрократизацией, интенсификацией социальных связей, ростом значимости формального, прагматического, увеличением темпоральности, быстротечности повседневной жизни.

Исследовательский интерес к проблеме практической рациональности в современном обществе обусловлен ее универсальным характером. Она пропитывает «ткань» жизнедеятельности человека и общества: рационализирует области экономики, науки, политики, культуры; совершенствует «человека современности», способствуя развитию таких качеств, как оперативность мысли, самокритичность, рефлексивность в проблемных ситуациях; благоприятствует становлению рациональной рефлексивной культуры.

Анализ работ, посвященных изучению рациональности сознания и поведения людей, показал, что для разработки данной темы сложилась определенная теоретико-методологическая база. Понятие «рациональность» как принципиально важная составляющая входит в структуру ряда философских концепций, кантовской, позитивистской и других направленностей. Активно изучаемая в зарубежной и отечественной философской литературе, в социологической теории категория «рациональность» разрабатывается значительно меньше. Недостаток эмпирической операционализации понятия также обуславливает проблемное поле исследования. Вероятно, максимально понять проблематику рациональности возможно при уяснении как социологических оснований исследования рациональности, так и философских истоков данного феномена.

В самом общем виде термин «рациональность» (от лат. Ratio — разум) означает целесообразность, упорядоченность, логичность, соразмерность. В некоторых литературных источниках содержание понятия связывается с эффективностью целедостижения [1, с. 144], соответствием поставленных целей и средств их достижения [2], обоснованностью выбора средств деятельности с учетом средовых факторов [3], особой установкой сознательной деятельности, для которой характерны логическая упорядоченность, целесообразность и системность [4, с. 11], а также свобода от какого бы то ни было принуждения [5, с. 426].

В социологии рациональность рассматривается прежде всего в значении «социальной рациональности», в отношении которой также существует теоретический плюрализм. Социальная рациональность интерпретируется как тип рациональности: 1) выражающий совокупность стандартов группового поведения, направленного на реализацию социально значимых для данного социума целей [6, с. 69]; 2) связанный, во-первых, с познавательно-преобразующей деятельностью индивидов и социальных групп, во-вторых, с функционированием социальных систем, их внутренней рациональностью, проявляющейся в структурной организации, функции саморегуляции, социальных взаимодействиях с индивидами и социальными институтами [7, с. 3].

Можно выделить четыре основных направления в определении сущности понятия «рациональность». Первое направление объясняет рациональность через взаимосвязь с разумом и рассудком — двумя основными типами мыслящего сознания личности (по способу умственной деятельности). О рациональности и разумности как одном из ее аспектов размышляли представители

философской (Сократ, Р. Декарт, Т. Гоббс, Дж. Локк, И. Кант, М. Хайдеггер и др.) и социологической (М. Вебер, Э. Фромм, К. Поппер, Т. Адорно и др.) мысли.

Под рациональностью в этом ключе понимаются «некоторые общезначимые проявления человеческого разума, обусловленные культурно, исторически и т.д.» [8, с. 104]. В рамках феноменологии рациональность рассматривается через призму повседневности. Согласно Б. Вальденфельсу, «рацио» — это «то, что воплощается в смысловые, правильные, регулярно повторяющиеся, расщудочно-прозрачные взаимосвязи, которые существуют в различных полях и стилях рациональности» [9, с. 41]. Продолжатели феноменологической традиции выявляют взаимосвязь рациональности с рефлексивным мышлением. Под этим углом зрения Д.О. Труфанов трактует рациональность как совокупность рефлексивных содержаний социальной реальности, получаемых в процессе понимания себя и других в социальном мире [10]. Рациональность как постоянная апелляция к доводам разума представляет определенный интерес как для представителей западноевропейской философии (К. Поппер), так и для современных социальных философов. В.С. Швырев очень точно различает сознание, вплетенное в ткань реальной жизнедеятельности людей в качестве ее идеального плана, и сознание, выделенное из этой жизнедеятельности и ставшее предметом рефлексии. Рациональность как определенный тип работы сознания включает оба этих смысла и представляет собой рациональное отношение к реальности как совокупности внешнего, окружающего, и внутреннего, ментального, мира человека [11, с. 105].

Нередко «разум» и «рассудок» употребляются в литературе как понятия, синонимичные мышлению, интеллекту. В разработке теории рациональности принципиально различение этих феноменов. Э. Фромм разводит «разумную» рациональность как интеллектуально ориентированную деятельность, направленную на постижение окружающего мира и формирование истинных знаний о нем, и «рассудочную» рациональность, выступающую инструментом для достижения успеха, манипулирующую «миром вещей» посредством мышления [12, с. 325].

Иногда рациональность отождествляется с расчетливостью. В этом случае анализ рациональности возможен через призму теории рационального выбора. Авторы данной концепции (Р. Коллинз, Дж. Коулмен, Й. Элстер и др.) допускают, что рационально рассчитанные действия индивидов, предполагающие обзор всех возможных поведенческих альтернатив и их последствий, позволяют добиться максимальной выгоды при минимальных физических и интеллектуальных затратах [13, с. 156].

Трактовка рациональности в контексте теории рационального выбора не сводится только к постановке целей, мотивированных эгоистическими побуждениями, и извлечению выгоды из любой сложившейся ситуации. Рациональным может быть выбор как субъективно-значимой, так и социально-полезной цели [14, с. 562]. И.Т. Касавин уточняет, что не всякая поставленная цель считается рациональной, а только та, которая способствует социальному прогрессу. Цель нерациональна и ее достижение не требует рационального под-

хода, если она не имеет реального отношения к прогрессу, и иррациональна, если она противоречит ему [15, с. 64].

Точный расчет и мобилизация наиболее эффективных средств достижения практической цели лежат в основе интеллектуализации, о которой писал М. Вебер. В результате рационализации, «расколдования» мира таинственные, не поддающиеся учету силы сошли на нет. Успех целедостижения стал возможным благодаря применению различного рода технологий. «Больше не нужно прибегать к магическим средствам, чтобы склонить на свою сторону или подчинить себе духов, как это делал дикарь, для которого существовали подобные таинственные силы. Теперь все это делается с помощью технических средств и расчета. Вот это и есть интеллектуализация», — полагает ученый М. Вебер [5, с. 713].

Нередко «рациональное» объясняется через взаимосвязь с «иррациональным» и, в меньшей степени, «нерациональным». Различают два наиболее распространенных смысла «иррационального». Прежде всего, этим термином обозначают то, что непостижимо для рационального сознания, что не подлежит рациональной критике. Иррациональными считаются явления, которые немислимы в виде рационализированного объекта, поскольку они не обладают «внутренней рациональностью» либо содержат «иммунитет» против любого рационального проявления. К сфере иррационального относится также то, что выходит за рамки данной рациональной системы либо не соответствует ее критериям [16].

Некоторые исследователи считают нецелесообразным понимать под рациональностью лишь только логически обоснованные действия и нивелировать роль нерациональных и иррациональных компонентов. Рациональность, по их мнению, охватывает гораздо большее, чем только существующее в пределах разума. Как полагает философ А.А. Новиков, «рациональность — как действительно разумное человеческое развитие — не только продуманный, рассчитанно сбалансированный, но, прежде всего, нравственный путь, когда долг, альтруизм, милосердие, строго говоря, нерациональные факторы, не вытесняются и знание не подавляет совести» [17, с. 49].

Проблема взаимосвязи рациональности и иррациональности присутствует в социологических воззрениях М. Вебера. В этом вопросе он придерживается принципа релятивизма, на примере рационализации различных жизненных областей демонстрируя, что любое явление может быть оценено одновременно и как рациональное, и как иррациональное. Вебер писал: «...в рамках каждой подобной отрасли “рационализация” может быть проведена с самых различных позиций при различной целенаправленности, причем то, что с одной точки зрения является “рациональным”, с другой может казаться “иррациональным”. Поэтому во всех культурах существовали самые различные рационализации в самых различных сферах» [5, с. 55].

Существует мнение, что «рациональное» и «иррациональное» взаимодействуют в форме перетекания одного состояния в другое. Иной вопрос — насколько сознателен этот процесс перехода от рациональности к иррациональности и наоборот. Разработанная М. Вебером конструкция целерационального действия служит в социологии идеальным типом для оценки степени ирраци-

ональности социального действия. Посредством целерациональности реальное, обусловленное различными иррациональными факторами (аффектами, заблуждениями, эмоциональными состояниями), поведение обособляется от чисто рационально сконструированного [5, с. 55, 497, 605]. На взгляд М. Вебера, нормативная рациональность всегда иррациональна, поскольку абсолютизирует роль ценностных ориентиров (представления о долге, чести, достоинстве, красоте, любви, доброте, религиозные убеждения и моральные принципы), которым следует индивид в своей деятельности, невзирая на возможные последствия совершаемых под их влиянием действий [5, с. 629].

Противопоставление «рациональности» и «нерациональности» в основном связывается с наличием или отсутствием у индивида определенной установки на рациональную деятельность, рациональное отношение к миру. По мнению В.С. Швырева, такая установка предполагает «специальные усилия сознания» индивида по анализу соразмерности своей позиции реальному положению дел [11, с. 112].

Когда речь идет о рациональности как системе замкнутых и самодостаточных правил, норм, стандартов, эталонов, принятых и общезначимых в рамках конкретного общества для достижения социально осмысленных целей [16], «рациональное» употребляется как синоним «формального».

Импульс к подобному рода утверждениям дают размышления М. Вебера о формальной рациональности. Этот сложный социальный феномен рассматривается в значении целеполагания как процесса постановки одной или нескольких целей и их достижения наиболее рентабельными средствами. Расширение и дополнение этого концепта наблюдается в теории макдональдизации Дж. Ритцера. Социолог «измеряет» формальную рациональность в соответствии с четырьмя переменными — эффективностью, калькуляцией, предсказуемостью и контролем [14, с. 188]. Исходные элементы формальной рациональности — поиск оптимального способа достижения цели, калькуляция затрат на ее реализацию, принятие строгих правил деятельности и контроль за их соблюдением — нашли также отражение в теории играизации С.А. Кравченко.

Формальная рациональность, формирующая ту самую «железную клетку» — социум, в котором индивид, отрешенный от религиозных и моральных ценностей, нравственных идеалов, подвергается возрастающей бюрократизации, жесткому экономическому регулированию и тотальной рационализации всех сфер общественной жизни, выступала объектом критики многих социологов (К. Мангейм, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер, Т. Адорно и др.). Их воззрения легли в основу направления, утверждающего существование «иррациональной» или «дегуманистической» рациональности. Подобного рода рациональность сопряжена с доминированием, властвованием одних людей (или социальных групп) над другими. Она дегуманизирует человеческие отношения, приводит к отрицанию традиционных ценностей, обезличиванию, превращению личностей в абстрактные типажи, обезцениванию духовного начала в человеке, становится реальной угрозой существованию гармоничного гражданского общества [14, с. 327, 489, 490].

Помимо формальной и построенной на ее критике иррациональной рациональности в поле исследовательского интереса находится следующее:

- коммуникативная рациональность, исключая всякого рода принуждение, отношения эксплуатации и доминирования (Ю. Хабермас);
- когнитивная рациональность, обусловленная чисто познавательными ценностями; инструментальная, основанная на эффективности планирования и применения средств с ориентацией на поставленные цели; интегративная как объединение индивидуального и коллективных усилий для достижения цели; конститутивная, обеспечивающая внутреннюю самоидентичность индивидов с опорой на главенствующую систему ценностей (Т. Парсонс);
- западная рациональность, для которой характерна ориентация на достижение индивидуальных целей, более высокая оценка частной инициативы, меньшее внимание к духовно-нравственным качествам индивида и культурным традициям общества, и восточная рациональность, отличающаяся объединяющим характером и ориентацией на интересы, эмоции, чувства индивидов (Р.Т. Убайдуллаева);
- повседневная рациональность или рациональность обыденной жизни, воплощающаяся в трех формах: просачивающейся, поднимающейся и сплавляющейся рациональности (Б. Вальденфельс);
- ограниченная, связанная с неопределенностью, и полная, предполагающая наличие возможных альтернатив на стадии принятия решения (В.В. Попов, Б.С. Щеглов);
- закрытая и открытая рациональность, о которой речь пойдет далее (В.С. Швырев), и другие.

Практически все типы рациональности тем или иным образом связаны друг с другом, поскольку направляются социальными действиями, крайне редко ориентированными только на один определенный тип рациональности. Некоторые из перечисленных выше являются созданными для научных исследований «понятийно чистыми типами» [5, с. 630], к которым в большей или меньшей степени приближены реальные социальные действия индивидов.

В общем виде тип рациональности представляет собой модель действия, которая облекается индивидом в определенную форму с конкретным содержательным наполнением. Р.Т. Убайдуллаева отождествляет тип рациональности с типом мировоззрения ввиду их сходства как систем субъективных взглядов индивидов на мир и свое место в нем [18]. Рациональность в таком ключе обуславливает выбор жизненных позиций, убеждений, принципов в достижении целей, логику смыслонаделения. Как и мировоззрение, она содержит элемент субъективности, единоличности. Индивидуальная практическая рациональность предполагает, что то, что для одного индивида является разумным, уместным, для другого — спорным, неявным, неправильным.

Выводы некоторых ученых в отношении рациональности довольно категоричны. Критический настрой Н. Решера принимает форму негативизма, отрицания идеи рациональности как таковой. Ученый воспринимает рациональность как «пустое понятие», что превращает ее из необходимой культурной ценности в «заблуждение и обман» [19, с. 35]. В.Н. Порус описывает рациональность в метафоричной форме в качестве «волнующей загадки», указывая на то, что при наличии большого массива специализированной литературы и

не утихающих научных споров, «нет ни общепринятого определения понятия “рациональность”, ни согласия в том, что считать проблемой, связанной с этим понятием» [16]. Все это, в свою очередь, осложняет распознавание и постановку проблем исследований, посвященных изучению рациональности.

Наиболее близка авторскому пониманию позиция В.С. Швырева, который рассматривает рациональность как определенный тип отношения к миру, способ его «вписывания» в мир. Здесь необходимо добавить, что рациональное отношение к реальности предусматривает не столько проявление «мужества пользоваться собственным умом» [20, с. 27], сколько формирование определенной рациональной культуры, предполагающей адекватное понимание проблемной ситуации, критико-рефлексивную установку на соразмерность поведения индивида и реальностей мира, стремление к эффективности, успешности деятельности, сознательное управление поведением, поиск оптимального способа достижения цели и т.д. [11, с. 112]. Такое понимание рациональности лежит в основе разведения «открытой», гибкой, способной к усовершенствованию, и «закрытой», строго конвенциональной рациональности [11, с. 111].

Согласно авторскому видению проблемы, в современном обществе доминирует гибридный тип рациональности. Гибридность означает сочетание различных типов рациональности, находящееся в процессуальном контексте как переход, перетекание одного типа рациональности, одного типа отношения к реальности в другой на основе анализа исходных позиций путем продумывания определенной стратегии поведения, подбора средств достижения цели.

Гибридная рациональность — это та форма рациональности, которая считается индивидом наиболее эффективной, приемлемой, продуктивной в данной ситуации с учетом имеющихся, а не иных, условий, возможностей человеческой субъективности. Гибридный тип рациональности как некий уникальный принцип культуры выражает пластичное, динамичное отношение человека к реальности, его готовность к конструктивному взаимодействию с другими социальными субъектами, способность критически осмысливать исходные идейные позиции и корректировать их в зависимости от ситуации, в которую он погружен.

В современном социуме рациональность, выражающаяся в практическом, прагматичном отношении к миру, становится востребованной культурной ценностью, существующей наряду со справедливостью, честностью, альтруизмом, мудростью и другими ценностями. Рациональное сознание открывает реальность в различных ракурсах и проекциях, способствует внутренней самодисциплине индивида, стабилизирует общественные отношения, выступая фактором социального порядка.

Библиографический список

1. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь: в 2 т. / пер. с англ. Н.Н. Марчук. М., 1999. Т. 2.
2. Давыдов Ю.Н. М. Вебер и проблема интерпретации рациональности // Вопросы социологии. 1996. Вып. 6. С. 71–77.

3. *Култыгин В.П.* Теория рационального выбора – возникновение и современное состояние // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 27–36.
4. *Карташев Д.Е.* Рациональность как социальный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2009.
5. *Вебер М.* Избранные произведения / пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М., 1990.
6. *Ракитов А.И.* Рациональность и теоретическое познание // Вопросы философии. 1982. № 11. С. 68–81.
7. *Сивирин Б.С.* Социальная рациональность как компонент социальной перспективы // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 3–12.
8. *Анкин Д.В.* Рациональность и рационализация в философском дискурсе // Эпистемы. 2004. Вып. 3: Язык. Дискурс. Текст: материалы межвузовского семинара: альманах. С. 102–116.
9. *Вальденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности / сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. М., 1991.
10. *Труфанов Д.О.* «Рациональность обыденной жизни» в контексте постнеклассической социологической теории рациональности // Актуальные вопросы экономики, права, психологии, педагогики и социологии в глобальном мире: сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции. Волгоград, 2012. URL: <https://trufanov.wordpress.com/2012/04/06/everyday-life/>
11. *Швырев В.С.* Рациональность в современной культуре // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 105–116.
12. *Фромм Э.* Здоровое общество // Психоанализ и культура: избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М., 1995.
13. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. 5-е изд. М.; СПб, 2002.
14. *Кравченко С.А.* Социология: парадигмы через призму социологического воображения. М., 2007.
15. *Касавин И.Т.* О социальном содержании понятия «рациональность» // Философские науки. 1985. № 6. С. 64–65
16. *Порус В.Н.* Рациональность. Наука. Культура. М., 2002.
17. *Новиков А.А.* Рациональность в ее истоках и утратах // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 48–60.
18. *Убайдуллаева Р.Т.* О социальной рациональности и ее типах // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 10–17.
19. *Решер Н.* Границы когнитивного релятивизма // Вопросы философии. 1995. № 4. С. 35–55.
20. *Кант И.* Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Соч.: в 6 т. М., 1966. Т. 6.